

Дмитрий Брусилов

КАБИНА РАЙХА

Записки из шкафа

Дмитрий Брусилов

Кабина Райха.

Записки из шкафа

<https://litres.ru/74291873>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Кабина Райха. Записки из шкафа» это автобиография в виде ироничных миниатюр от первого лица.

Рассказчик - звёздный странник, однажды проснувшийся на Земле, проживает жизнь за жизнью и шаг за шагом приближается к ответу на вопрос «зачем я здесь».

Для меня все эти истории - не фантастика.

Делюсь я ими потому, что верю: эти ключи найдут отклик в сердцах читателей, и они тоже смогут переехать дальше, на новые уровни игры.

У меня есть кабинет психолога, в нём стоит та самая Кабина Райха, в которую садятся люди.

Я мог бы, наверное, с серьёзным лицом написать об этом серьёзно в психологическом ключе. Но уверен, такой подход отпугнул бы тех, кому это нужнее всего.

А лёгкая история сразу открывает читателю двери: он читает про духовного наставника, который в прошлой жизни

проституткой, смеётся, и где-то между строк вдруг ловит то самое.

Не обещаю мгновенного просветления, но если вы хоть раз не улыбнетесь, то можете бросить в меня томик Достоевского.

Содержание

Глава	5
Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Брусилов Кабина Райха. Записки из шкафа

Глава

КАБИНА РАЙХА

Истории из шкафа

Дмитрий Брусилов

«Человек человеку шкаф.»

Глава

Часть первая

ПРЕДЫСТОРИЯ

Высадка на Земле

Не отсюда

Самое первое, что я помню, это как я стою у забора детского сада.

Между двумя садиками тянется дорожка, и по ней идут люди. Взрослые, по своим делам. А я стою, держусь за прутья и смотрю на каждого. Не просто смотрю, а будто сканирую. И каждого прохожего чувствую насквозь: что у него внутри, о чем он сейчас думает.

И первое, что я там понял про мир, что он весь какой-то хмурый. Люди идут мимо, никто не меня не смотрит. Никто не радуется и не улыбается. Куда-то спешат, чего-то боятся, что-то несут на себе. Перевожу взгляд на воспитательниц, а с ними то же самое. Они здесь, рядом, но их как будто нет: всё делают на автомате, не глядя, не присутствуя. Маленький человечек в теле ребёнка, который видит вокруг себя зомби. Но ему не страшно, ведь он за забором.

Потому что, и это второе, что я понял, я-то не спал. Я был в этом теле взрослым, проснувшимся, в полном сознании. И смутно, без подробностей, но твёрдо помнил: я не отсюда.

Дома тоже было атмосферно. Каждое утро в шесть, под

советский гимн из радио, родители молча натягивали на меня трое штанов и волокли на трескучий мороз. И они, мои хорошие, любимые родители, двигались как заведённые. Одни и те же движения изо дня в день. Утром гимн и сборы, вечером отец у телевизора, мать у плиты готовит на завтра. Будто бы они просто старательные винтики огромной машины, которая сама не знает, куда едет. Отец, кстати, был поживее мамы, потому что иногда выпивал.

И я, стоя у того забора, задал свой самый первый и самый главный вопрос. Что я вообще тут делаю? Как меня сюда занесло? Зачем меня вообще высадили в этом мире, где не видно и проблеска жизни? Я тянулся куда-то вовне, искал хоть кого-то своего, и не находил.

Вот этот вопрос меня, собственно, и привёл. Через все эти годы, через все эти жизни сюда. На эти страницы. К вам.

Потому что я так и не перестал его задавать. Зачем я здесь? Что я ищу? Какой у меня мотив, какая задача? Всего ответа я не знаю до сих пор. Но, кажется, уже совсем близко. И всё, что будет дальше, это я, шаг за шагом, историю за историей, нащупываю его в темноте. И уже чувствую ваше присутствие, знаю, что не один.

Так что давайте искать вместе.

Землянка

В пионерлагерь я попал классе во втором. Пионером ещё не был, ходил в октябрятах, но лагерь был самый что ни на есть пионерский. По утрам нас будили горном, выстраивали

на линейку.

Только время было уже не то. Советский Союз уже тихо осыпался, и держалось всё на честном слове. Вожатые за корпусом курили, выпивали и заводили друг с другом свои взрослые истории, и было видно: в идеалы, которые они нам днём диктовали, они не верят ни на грош. Линейка, горн, галстуки, всё это была просто декорация. Картонные стены, за которыми пусто.

А дети пустоту чувствуют первыми. И звереют. Слабых травил, по ночам устраивали свои забавы, «потолок падает» и прочее. Жестокость как источник смысла: кидаются на того, кто слабее, потому что больше вообще не на что опереться.

И вот стою я посреди всего этого, восьми лет от роду, и понимаю ясно, как тот же мальчик у забора, только теперь среди врагов: если сейчас испугаюсь и покажу слабинку, система меня перемелет. Стану тем, кого травят. Поэтому я, как потом вычитал у Кастанеды, включил управляемую глупость. Где надо держал лицо, проявлял твёрдость, никогда не показывал, что мне больно. И меня не трогали. Свой.

Только я им не был свой.

Я смотрел на этот маленький рушащийся ад и думал: что же мне с ним делать? И решил, что буду строить плот. В прямом смысле. Снял лопату с пожарного щита и пошёл в лес рыть землянку. Выкопал себе настоящую пещеру, накрыл ветками, забросал листвой. И после обеда стал туда сбегать: прихватчу горбушку хлеба, огарок свечи, и в укрытие. Зажи-

гал свечу, грыз сухари и читал книжку. Восьмилетний отшельник при свече, в норе посреди пионерлагеря.

И вот там, в землянке, ко мне и пришёл мой первый в жизни инсайт. Спокойный, ясный, как пламя свечи.

Я не жертва этого ада. И не его винтик. Я тайный наблюдатель. Засланный. Что-то вроде тайного покупателя, которого система принимает за своего, не догадываясь, что он всё это время составляет отчёт. Я здесь не для того, чтобы выжить или вписаться. Я здесь, чтобы всё это изучить изнутри, своими глазами, ничего не пропуская.

И от этой мысли мне впервые стало по-настоящему интересно.

Тот мальчик у забора спрашивал: зачем я здесь? Так вот, в лесной норе при свече он впервые услышал краешек ответа. Может, я и правда не отсюда. Может, меня сюда и заслали. Но заслали не просто так, зачем-то. С заданием. И всё, что было дальше, оказалось продолжением того самого отчёта.

Заика

Лет в пять я разучился говорить.

Меня очень сильно напугали, как именно, это отдельная история про одержимую няню из соседнего подъезда. А пока скажу одно: после того испуга я стал заикой. И, как я теперь понимаю, это был идеальный, лучше не придумаешь, инструмент для изучения людей.

Потому что заикание превратило меня в живой фильтр. Стоило открыть рот в любом новом дворе, в школе, в незна-

комой компании, и мир мгновенно делился надвое. На тех, кто слушал спокойно, дожидаясь конца слова, понимал, что мне трудно, и не отводил глаз. И на тех, кто радостно кидался дразнить: за-за-заика. Первых было меньшинство. Вторых обычно было больше.

В обычном мире я был лёгкой добычей. Но был и другой мир: меня отдали в специальный садик, для детей с нарушениями речи. И там все были заики. И знаете что? Заики друг над другом не смеялись. Это было место, где мы все были нормальные. Где никому и в голову не приходило, что с тобой что-то не так.

И вот тут, маленьким заикой, я и сделал своё первое настоящее открытие про этот мир. Главное.

Я ведь до этого думал, что попал в сплошной ад. А теперь выходило, что нет. Оказалось, даже среди девяноста процентов, готовых пнуть упавшего, всегда есть десять. Десять процентов с живым, открытым сердцем. Тех, кто подойдёт, поддержит, прикроет. Тех, кто чувствует тебя без слов, потому что им и не нужны слова, чтобы понять: рядом свой.

И это была даже не мысль, а надежда. Значит, не ад. Значит, есть ради чего тут оставаться.

Сейчас мне кажется, что всю эту роль заики я и взял на себя ровно за этим. Чтобы научиться с одного звука отличать своих от чужих. Чтобы найти тех самых, с открытым сердцем, способных чувствовать другого, чувствовать плечо.

Тот мальчик у забора спрашивал, зачем он здесь. Тайный

наблюдатель из землянки уже знал, что у него есть задание. А заика впервые нащупал, в чём это задание, кажется, и состоит.

Найти своих.

Спасибо вам за это, мои первые десять процентов. Вы и не догадывались, что на самом деле вручали мне мой первый ключ.

Секта

Расскажу, как нас с другом Илюхой выпилили из секты.

Обычно ведь как бывает: людей из сект вытаскивают. Родственники, психологи, иногда спецназ. А вот нас попросили на выход сами сектанты.

Класс десятый, зима. Гуляем после школы по центру и видим: в подвальчик заходят люди. Ну, мы за ними, вдруг там что-то интересное. А нам навстречу: заходите, ребята, кофе бесплатный, поговорим. Заходим. Стульчики кружочком, все сидят, душевно разбирают Библию.

Ну и мы включились. Вопросы у нас нашлись. Говорим: вот Иисус, Сын Божий. А кто подтвердил? Отца никто не видел. Отец должен выйти и подтвердить, иначе не считается. Нам отвечают: так в Библии же написано. Мы говорим: ребята, Библию написали люди. А люди могут написать что угодно. Вон Рон Хаббард так и сделал: собрался писатель-фантаст, сел и написал, теперь у него своя религия. Строить веру на том, что кто-то что-то записал, ну так себе фундамент, согласитесь.

Кружочек как-то погрустнел. В перерыве к нам тихонько подходит старший и говорит: ребята, может, вы не хотите постичь Бога?

Мы говорим: очень хотим. Но вы нам не помогаете.

Конфликтовать не стали, кофе допили и ушли. Вежливо выпиленные, в снежную ночь, с непостижимым Богом под мышкой.

А вывод из того подвальчика я вынес на всю жизнь. Готовых ответов не выдают нигде. Особенно там, где бесплатный кофе. Хочешь разобраться, разбирайся сам: если в тебе живёт здоровая критика, никакой источник за тебя работу не сделает, до всего приходится доходить своим умом.

Тайному наблюдателю, впрочем, так и положено. Всё проверить и составить отчет.

Волшебный шкаф

История шкафа началась с того, что мне позвонил друг Александр.

Друг у меня увлекающийся, всю жизнь ставил на себе психоделические опыты, и каждый раз новые. Сейчас, мне кажется, он уже улетел на край Вселенной на радужном звездолете.

Звонит и говорит: Дима, мы едем в Самару. Там волшебный шкаф.

Я сразу понял, что дело важное.

Оказалось, где-то на Урале одни ребята научились собирать пространство из оргонита, это материал такой, который

задерживает эфир, из которого все в этом мире сделано. Не пропускает дальше, держит при себе, аккумулирует. Оргонный аккумулятор. Делали всё строго по заветам Вильгельма Райха.

Про самого Райха я тогда только краем уха слышал, но потом, конечно, почитал. Австрийский психоаналитик из круга Фрейда, который считал, что всё живое пронизано особой энергией жизни, оргоном, и научился её собирать в специальные ящики-аккумуляторы, возвращавшие людям здоровье и силу. Кончилось всё не очень весело: американские власти сочли это надувательством, запретили его ящики, а самого Райха за упрямство отправили в тюрьму, где он в пятьдесят седьмом и умер. Человек, выходит, сел за шкаф. А Википедия аккуратно ставит на всю эту информацию пометку «лженаука». Я прочитал, и сразу проникся к Райху ещё большей симпатией.

Первый образец райховского шкафа заказал один VIP оздоровительный центр в Самаре. Мы с Александром приехали к ним первыми из другого города.

Я готовился к сеансу несколько часов. Медитировал, дышал, настраивался. Потом сел внутрь, закрыл дверцу, и сразу заложило уши. Как в самолёте на снижении. И тут меня просто вынесло.

Я оказался в каком-то мире вроде Атлантиды. Высоченные колонны, до неба. Шёл ритуал, какой, я не понял, но явно важный; меня туда не звали, я оказался там без пропуска,

как герой фильма «С широко закрытыми глазами», просто стоял и смотрел. И думал одно: офигеть. Вот это штука, машина перемещения между мирами.

Так я и пришёл к шкафу. Десять лет назад, в начале пути. Но сейчас я понимаю: дело было не в шкафу. Оргонит, эфир, кабина - это всё антураж. Наверное, можно было с тем же успехом сесть и в обычный шифоньер. Просто мы и так все время переезжаем в новые миры. Сидим где-то, что-то понимаем, встречаем того самого человека, замыкаем контакты, потом у нас закладывает уши, и мы уже в другом мире, осматриваемся, осваиваем другую жизнь. Шкаф был нужен мне только чтобы это заметить.

I. Невидимая служба

Оператор

С Александрой мы познакомились случайно. На площади. Я просто шёл, она просто стояла, и как-то так вышло, что дальше мы пошли вместе.

На полпути она спросила: «А может, ко мне? То есть к тебе?» Я сказал: пойдём.

А дальше начинается то, чего я до сих пор стыжусь и горжусь одновременно. Потому что мы включили какое-то кино и меня почти сразу сморило.

Я засыпаю. Она будит: «А может, ты хочешь меня?» Я говорю: ну да, может быть. И засыпаю снова.

Будит опять. Я уже понимаю, что веду себя не как мужчина мечты, а как человек, которого привезли с ночной смены.

Но поделаться ничего не могу, глаза закрываются.

И тут она наклоняется и говорит очень уверенно, как диктор по громкой связи: «Я обожаю оральный секс. И сейчас сделаю тебе лучший в твоей жизни».

Вот тут я сразу проснулся.

Подробности опущу. Скажу одно: она не соврала. Это было лучшее в моей жизни, ровно так, как обещала.

А дальше случилось странное. Распробовав новый кайф, мы часто начинаем это искать. Гоняться. А со мной вышло наоборот. Александра задала такую планку, что искать стало нечего. Вершину показали один раз, целиком, и больше я не лез. Не из лени. Просто понял: выше не бывает, а повторять одно и то же, это уже не опыт, это привычка.

Я перестал быть в этом деле наркоманом и стал исследователем. Наркоман гоняется за дозой. Исследователь увидел, и пошёл дальше налегке. Земные удовольствия исчерпаемы, мне было достаточно одного раза. После того случая телесное вообще как-то отпустило, перестало быть главным.

А для закрепления Вселенная сделала вот что. Она оказалась оператором службы такси, которым я пользовался.

Каждый вызов стал рулеткой. Я часто попадал именно на нее. И каждый раз она узнавала меня по голосу: «Дмитрий, это вы?» И каждый раз я на секунду перемещался в то состояние. Вот так я освоил перемещение во времени и пространстве.

Сейчас я понимаю: это и есть та самая магия. И никако-

го мистицизма, чистая математика. Где-то наверху небесный калькулятор рассчитывает для нас ситуации и начисляет баллы. Прошел урок и поднялся на уровень выше, туда, где уже другие задачи.

За этот ключ, Александра, тебе, огромное спасибо.

Я даже стихотворение тогда по горячим следам написал об этом:

Лучший минет в твоей жизни

Может быть только один

Будь ты кудрявый иль лысый

Или печальный блондин

Когда я умер

Умер я в свою первую командировку. Поехал в Саратов запускать рекламу для филиала Uz Daewoo, они торговали узбекскими машинами. Поставил ролики в эфир, выдохнул, обрадовался, и пошёл праздновать в клуб.

А там вечеринка вся в белом. Девушек тьма, и все красивые: в Саратове, надо сказать, девушки вообще невероятные. И тут ещё все в белом. И я понимаю, что выбирать бессмысленно, мне нравятся вообще все. Поэтому иду напрямик через танцпол, беру за руку первую попавшуюся, смотрю в глаза и говорю: пойдём поговорим. Мы поговорили. На следующий день погуляли. Потом я проводил её до дома, а сам пошёл домой пешком.

Вот это и было ошибкой.

Просыпаюсь я под кустом. Без ботинок, в одних носках,

голова раскалывается. Думаю: ну и погулял же я. Только вот что именно было, не помню. Вообще ничего. Ни вечеринки, ни девушки, ни как меня зовут. Держусь за голову, списываю на похмелье. Смотрю в витрину соседнего магазина, а голова-то в крови.

В кармане ключ. От чего - загадка. Голова при этом сообщает, говорить я могу, просто память стёрта начисто. Подхожу к прохожему: а что это за место? Он: Саратов. Я: отличные новости. Но раз все по-русски, значит, Россия, уже легче.

В общем, полный «Memento» Нолана, только я без татуировок с подсказками.

И тут в кармане нащупал мятую визитку. Имя, телефон. Звоню. Здравствуйте, говорю, у меня тут ваша визитка, но я, понимаете, не помню ни как меня зовут, ни как мы с вами знакомы. Но я блондин.

Настя, так её звали, не растерялась. Говорит: стой на месте, диктуй номер дома, сейчас приеду. Приезжает. Тебя, говорит, зовут Дима, познакомились позавчера, гуляли, а до дома ты, похоже, не дошёл. Так, говорит, звоню папе. Папа у неё, кстати, оказался большим человеком в городе по медицинской части.

Папа сразу сказал одно слово: к нейрохирургу, срочно.

Везут меня на такси к главному нейрохирургу. Тот глянул: на стол немедленно, у него кровь в мозгу, тромб, может в любой момент умереть. Только, говорит, дай согласие. Преду-

преждаю: шанс не стопроцентный, один к четырём, что после операции тебя парализует навсегда. Иглу в мозг вводим, можем попасть не туда.

А я лежу и думаю: ну, окей. Умру так умру. И, что удивительно, совсем не страшно. Спокойно. Дал согласие на всё.

Не парализовало. Месяц в больнице, и я живой.

Возвращаюсь домой в Ижевск, там на меня смотрят как на привидение. Слух по городу прошёл, что я погиб. Все уже мысленно простились. Ребята, говорю, спокойно, я тут.

Спасибо, Настя. Без тебя я так и остался бы лежать под тем кустом насовсем.

И вот после таких историй начинаешь верить ещё больше во что-то такое. Потому что ну невозможно же так случайно. Выходишь из той ночи со стертой памятью, ключом и одной визиткой в кармане, и все делаешь правильно. Используешь свой единственный шанс. Главное, я теперь это точно знаю - без паники. Мы в игре. В случае чего, можно и дежурному оператору позвонить. Такой вот квест. В Саратов я теперь часто заезжаю, как на вторую родину.

Один-один

У меня была дикая влюблённость. Из тех, про которые неловко рассказывать, потому что слова всё портят.

Ксюша танцевала в варьете. Лучший секс в моей жизни, хотя, как вы уже заметили, лучшего в моей жизни было подозрительно много, и каждый раз я был совершенно искренен.

И вот на самом пике, когда всё было хорошо как никогда, я вдруг получил команду. Не знаю, от кого. Просто внутри что-то сказало: брось её. И я бросил.

Причём некрасиво. Продолжал гулять с ее подругами, мелькать в той же тесной компании, попадаться на глаза. Зачем, я не понимал ни тогда, ни потом. Она страдала. Я на это смотрел и страдал тоже, но остановиться не мог, будто выполнял чужой приказ и даже не имел права спросить, чей.

Прошли годы. Мы, что удивительно, продолжали общаться. А вопрос остался и тихо меня грыз: почему я тогда так поступил?

И вот я занялся регрессивными медитациями. Специально сел и поставил задачу: покажите, что это было.

Показали. Париж, девятнадцатый век. Она снова в кабаре, представьте себе. Я влюблён, дарю цветы, безумный роман, всё как положено. А в одно утро на столе письмо: прощай, мы больше никогда не увидимся. Просто ушла. И я в том Париже страдал об этом до конца своих дней.

И тут до меня дошло. Никакой я не злодей. И она тогда не злодейка. Просто где-то наверху стоит тот самый небесный калькулятор, и у нас с ней по строчке: она ушла, потом я ушёл. Один-один. Нужен был баланс. Долг закрылся, проводка сошлась, можно дышать.

С тех пор мы общаемся легко, без тяжести. Она работает барменом в Майами. Стоит за стойкой, наливает, слушает. Отражает их же самих такими, какими они ещё сами себя не

видят. Люди заходят в один бар, а выходят из другого.

Бармен, диспетчер, танцовщица - это всё одна и та же профессия.

Сонечка

Я встретил её в клубе. Она стояла вся в белом и в том свете казалась не девушкой, а тем, что иногда бывает вместо девушки, когда очень повезёт. Ангел, не ангел, но точно в этом мрачном подземелье ей было не место.

Мы сошлись сразу и накрепко, только без того, на что все вокруг немедленно поставили. Все были уверены, что мы пара. А у нас было что-то другое, чему я до сих пор не подобрал слова. Я просто был счастлив рядом. Ничего не хотел, ничего не доказывал, никуда её не тянул. Редкое, между прочим, состояние для мужчины, быть рядом с красивой женщиной и при этом ничего от нее не хотеть.

Она раздавала любовь, как раздают воздух, не глядя, кому и сколько. У неё этой любви было бесконечно, и она искренне не понимала, зачем бесконечное экономить.

Я долго думал, что она просто такой светлый человек. А потом, спустя годы, один мой приятель ни с того ни с сего говорит: слушай, спасибо тебе. За что, спрашиваю. За то, отвечает, что ты нас когда-то познакомил. Та встреча мне изменила жизнь.

И таких измененных, как выяснилось, было очень много.

Вот тогда я и понял, кто она. Не подруга и не любовь моя. Она была на службе. Есть, оказывается, такая служба, тихая,

без вывески: люди, через которых проходит любовь и идёт дальше, к тем, кому её сейчас не хватает. Они не лечат и не учат. Они просто отдают, даром, потому что иначе не умеют, и человек в этот миг незаметно переезжает на другую ветку. Туда, где его наконец любят, и ему самому ничего не остается, кроме как тоже себя полюбить.

Сонечка работала без прикрытия какой-то профессией. Напрямую.

А с годами я заметил странность. Она не менялась. Люди вокруг лысели, клубы закрывались и открывались под новыми именами, а она оставалась ровно такой, как в тот первый вечер в белом.

Время идёт для всех. Но любовь - это не событие во времени. Это состояние, из которого многие выходят. А тот, кто никогда не выходит, останавливает время.

Взгляд

Однажды в раздевалке фитнес-центра на меня пялился мужик.

Я вышел из сауны. Голый, распаренный, довольный жизнью. А он стоит и смотрит. Прямо смотрит, в упор, не моргая. Я подумал: ну, бывают геи. Интересно, конечно, что именно он такого увидел во мне. Но в сауну теперь так просто не походишь.

Вечером мне пишет Вероника. Дима, ты сегодня был в тренажёрке? Был, говорю. Она пишет: мой муж тебя узнал. И тут надо отмотать на несколько лет назад.

Клуб. Музыка. Я вижу девушку и в первую же минуту понимаю - мы знакомы. Не в этой жизни, но знакомы. И она понимает то же самое. Мы не сказали друг другу ни слова. Я взял её за руку, мы отошли в сторону и начали целоваться. Так встречаются люди, которые просто вспомнили друг друга.

Потом выяснилось, что она пришла с мужем.

Муж, надо отдать ему должное, подошёл не сразу. Видимо, тоже что-то вспоминал. Потом всё-таки взял её за руку и увёл. Но мы успели: я записал телефон, и мы с Вероникой потом иногда встречались.

Про этику меня тогда никто не спросил. Спросили через несколько лет. Взглядом. В сауне.

Какая здесь мораль, я не знаю. Знаю только, что с тех пор в раздевалке я всегда оборачиваюсь.

Ту минуту в клубе запомнили трое. Вероника вспомнила любовь. Я вспомнил Веронику. А её муж вспомнил моё лицо. У каждого своя духовная практика.

Танец

С Машей я познакомился в стриптизе. Хотя там её звали Мари.

Маша - это для мамы и для дневного света. Мари - для сцены. Я давно заметил: у настоящих людей всегда два имени, одно рабочее, одно для души.

Танцевала она как богиня. Я не подбираю слово, я именно это и имею в виду. Бывает танец, на который просто смот-

ришь, а бывает такой, после которого ты выходишь чуть другим человеком. Я поймал её взгляд и понял, что попал.

Пригласил за столик. Потом, уже не вполне себя контролируя, назначил свидание. И всю дорогу домой был уверен, что она не придёт. Такие не приходят к фонтану в одиннадцать утра.

Она пришла. В кроссовочках, одетая как хиппи, без всякой ночной позолоты. Мы гуляли до утра и целовались, и рядом с ней стояло такое состояние, которому я за все годы так и не нашёл названия. В литературе, которую я знаю, аналога нет. А я, поверьте, искал.

Раз в месяц по понедельникам была вечеринка для сотрудников развлекательной сферы. Там Мари танцевала почти без всего. И вот что странно: пошлости не было ни грамма. Ни черноты, ни той липкости, что обычно к такому прилагается. Было ровно то же волшебство, что и в первый вечер. Будто раздевалась не она, а воздух вокруг становился чище.

Маме она говорила, что работает ночной официанткой. Днём училась на художницу, рисовала. А про остальное говорила просто: мне нравится дарить людям этот кайф. Нравится делать мир красивее. И, что характерно, делала.

Однажды она спросила: а куда идут наши отношения?

И я завис. Потому что они никуда не шли. Они с самого начала стояли на пике, а с пика дорога одна, и мне по ней не хотелось. Что ответить человеку, с которым уже и так всё

хорошо ровно настолько, насколько бывает? Развивать тут было нечего. Можно было только испортить.

Она подождала ответа, не дождалась и в конце концов вышла замуж. Пошла по нормальному, человеческому сценарию, туда, где у отношений есть «куда».

А я остался на пике. Один. Но не в обиде.

Потому что танец, в котором мы закружились, во мне так и не остановился. Что вообще есть жизнь, если не танец? Маша вышла замуж. А Мари всё танцует.

Розовое сердце

Первая сильная любовь пришла ко мне с сайта знакомств. И сразу, с первой минуты, как родные. Будто знакомая душа, которую просто наконец нашёл. Но я был ещё молодой и совершенно не чувствовал, что готов к чему-то такому большому.

А мы всё равно стали жить вместе. Знаете, бывает такая точка, когда людям честнее было бы разойтись, потому что непонятно, что дальше, а они вместо этого съезжаются. Вот ровно в этой точке я и был. В полном внутреннем хаосе. У меня даже завёлся какой-то комплекс вины: я её не заслуживаю, она слишком хорошая. Она меня любила, готовила, и было это настоящее чудо семьи, полного доверия. А я к этому чуду оказался не готов. Меня от него, если честно, потряхивало.

И однажды я сказал, что пошёл на работу, а сам уехал в Крым. На месяц. Телефон выкинул в море. Стоял на берегу

и думал: с этой тяжестью я новую жизнь не начну, а старую не понимаю. И выкинул.

Возвращаюсь домой. Захожу в спальню, а над кроватью нарисовано огромное розовое сердце. И к нему приклеена вся моя обувь. Все мои ботинки. Чтобы я, значит, фигурально ходил по её сердцу. Вот так она это и выразила, без единого слова.

И тут уже моё сердце разорвалось.

Я кинулся её возвращать. Клялся в вечной любви, писал стихи. Она со мной не разговаривала, вообще. Тогда я стал по утрам встречать её у подъезда, молча отвозить на работу и вручать цветок с открыткой, на которой было стихотворение дня. Потом завёл сайт и стал стихи, написанные ей, туда выкладывать. Потом я рассказал о своей беспощадной любви со знакомой журналистке, и про эту историю начали писать газеты. И в конце концов она вернулась.

Так вот, друзья, теперь я знаю точно: так делать нельзя. Когда ты возвращаешь человека не из любви, а из своего страха потери, из собственной непрожитой боли - это уже не то. Возвращается не любовь, а её китайская копия.

В итоге мы всё равно разъехались. В разные стороны, насовсем. Больше так ни разу и не виделись. Я ведь со всеми на связи, со всеми, а она, наверное, так обиделась, что просто стёрла меня отовсюду. И правильно, наверное.

Но лучик её сердца я всё равно чувствую. До сих пор. И понимаю: да, в этот раз мы не справились. Но какой-то ключ

мы друг другу уже передали, из рук в руки, по-тихому. И, может, всё главное уже случилось. Осталось только когда-нибудь, в каком-нибудь баре или на какой-нибудь другой планете поймать взгляд и сказать друг другу спасибо.

Спасибо, что я хоть раз пожил внутри такой тёплой, полной, доверчивой любви. Недолго. Не по заслугам. Но достаточно, чтобы понять, какой она бывает, и чтобы хватило сил идти дальше.

На Титанике

На втором курсе приходит ко мне в гости друг Коля и говорит: Дим, есть у меня классная однокурсница, тебе зайдёт. Мы тогда немного выпивали, и Коля был в ударе. Тут же ей звонит: Кать, привет, тут Дима, он в тебя влюблён, поговори с ним. И суёт мне трубку.

Деваться некуда, договорились о свидании. Катя и правда оказалась красивая.

А тут такое совпадение: мне как раз досталась от друга безлимитная контрамарка в кинотеатр «Россия». А в «России» тогда шёл «Титаник».

И вот с первого же свидания всё и закрутилось. Провожая я её, а она говорит: ну что, целоваться будем? И мы поцеловались. И началась у нас отличная пора: два раза в неделю мы шли на «Титаник», садились на последний ряд, и там целовались и обнимались весь сеанс. «Титаник», между прочим, я так ни разу и не досмотрел до конца. Длинный он, а у меня на последнем ряду были дела поинтереснее. Такие

у нас были отношения, тёплые, тактильные, ламповые, без лишних слов.

А потом однажды летом мы просто пошли гулять. Посидели где-то, поговорили, сели в последний троллейбус, доехали до Катиного дома, и разошлись в разные стороны. И больше никогда не виделись. Вот и всё.

Я так и не узнал, чем кончается «Титаник». Но, кажется, и не надо. Потому что про конец большой любви нам с детства рассказывают неправильно. На экране для финала обязательно нужен айсберг: оркестр играет, корабль тонет, все рыдают. А в жизни хорошая, тёплая любовь заканчивается совсем иначе. Вы просто доезжаете на последнем троллейбусе до её дома, выходите, и идёте каждый в свою сторону.

Каждой сказке приходит конец, это правда. Просто не каждой нужно кораблекрушение. Иногда сказка кончается тем, что обоим пора по домам.

Шампанское и апельсины

Эта история чем-то напоминает ошовские практики, только мы дошли до всего сами, а про Ошо тогда ещё не слыхали.

Я тогда близко дружил с одноклассницей Леной. И как-то в разговорах у нас родилась идея: а давай соберём тайный клуб. Маленький, только для своих, для красивых, лёгких, ничего не боящихся людей из самых разных компаний. Я отвечал за парней, Лена за девушек. Набралось нас в итоге шесть человек, три мальчика и три девочки.

Раз в месяц-полтора мы собирались на чьей-нибудь пу-

стой квартире. Правила сложились сами собой, никто их не придумывал. Мы приносили шампанское и апельсины. Ставили музыку. И раздевались. Пили шампанское, ели апельсины, танцевали. Все вместе, без ничего. Такой тайный клуб свободы, можно сказать, нудистский.

И вот что важно: в этом не было ни капли пошлости. Со всем. Никто ни на кого не кидался, ничего такого не происходило. Просто шесть человек, которым друг с другом было настолько легко и хорошо, что отпадала всякая необходимость что-то на себе держать, в том числе и одежду. А днём в универе мы делали вид, что незнакомы, и только украдкой перемигивались. Это была наша общая тайна, и от неё было тепло.

Тогда-то я и нащупал важный ключ. Чтобы чувствовать себя наполненным, чтобы переживать любовь, совершенно не обязательно с кем-то сходитьсь, заводить пару, кого-то присваивать. Можно просто радоваться себе и окружать себя прекрасными людьми. И этого, оказывается, бывает достаточно с лихвой. Девчонки наши, кстати, после клуба будто расцвели, кто-то вскоре и замуж вышел. Прокачались.

А сломалось всё в один вечер. Один из наших, Вова, вдруг сказал: ребята, я люблю Лену. И теперь она будет только со мной. Больше ни с кем.

И всё. Идиллия рассыпалась на месте. Не от наготы, не от шампанского, а от одной-единственной фразы, от желания удержать, присвоить, обнести высоким забором. Стоило ко-

му-то одному сказать «моё» и общего «нашего» не стало.

Свобода живёт ровно до той минуты, пока кто-нибудь не решит унести её домой. А уносят её всегда из любви. В этом весь фокус: со свободой можно только танцевать. Хранению она не подлежит.

Дядя Коля

В дядю Колю я влюбился с первого взгляда. Сразу оговорюсь, без всякого подтекста. Просто бывает, что встречаешь человека и узнаёшь его энергию, будто знаком сто лет, хотя видишь впервые. Вот так я Колю и узнал.

Это был единственный мужик, которого я в жизни позвал к себе жить. И мы реально жили, вдвоём, в моей однушке. Ходили вместе, знакомились с девчонками, и от нас в те годы, не скромничая скажу, шло какое-то сияние. Люди обобщивались.

Однажды мы пошли на пирс, где девушки загорали топлес. Подошли к самым красивым и сказали ровно то, что чувствовали: пойдёте с нами, мы вас любим, вы богини. И они пошли. Гуляли вчетвером весь день, а вечером оказались у меня.

И тут девочки говорят: парни, мы прекрасно понимаем, к чему всё идёт. Но давайте сделаем это волшебю. Мы вас сейчас нарасим, оденем в своё, и вы будете как две девушки. Потанцуете, поцелуетесь, а мы потом к вам присоединимся.

Так и вышло. Только у дяди Коли была борода. И он стал

прекрасной бородатой женщиной. Мы переглянулись поверх помады и поняли одну важную вещь: назад дороги нет, а вперёд почему-то можно. И это было волшебно. Не пошло и не стыдно, а именно волшебно. Объяснить не берусь.

Прошло много лет. Мы встретились в Москве, накануне его свадьбы. С нами опять были две девушки, и мы ехали в ночном такси, вчетвером, на заднем сиденье. И Коля вдруг говорит: Дима, а я ведь послезавтра женюсь.

Тишина, ночная Москва, мы держимся за руки на заднем сиденье.

Была у Коли особенность. Он врал. Не ради выгоды, просто не мог иначе, как другие не могут не дышать. Однажды на сходке байкеров он заявил, что у него есть мотоцикл BMW. Байкеры, которые его не знали, заинтересовались и быстро поймали его на мелочах. Мне стало невыносимо стыдно, за него, перед чужими людьми. И тогда Коля поднялся, я встал и громко сказал: ребят, извините, это я соврал. Повисла пауза. А потом всё просто продолжилось, будто так и надо.

Как-то я спросил: Коля, ну зачем? Мы же лучшие друзья, мне-то зачем врать? Он опустил глаза и сказал тихо: Дима, я не могу по-другому.

И знаете, я понял. Он не врал. Он просто жил в чуть более красивой версии всего, и звал меня туда. А я шёл. Иногда даже вставал и брал его выдумку на себя, как берут в гардеробе чужое пальто, чтобы человеку было теплее.

Так он и живёт в сердце, бородатый, с несуществующим мотоциклом, в размазанной по щекам помаде. В танце жизни, друзья, иногда вообще не разобрать, что происходит на танцполе.

II. Пелевинщина

Татьяна Аркадьевна

Кем быть, я не знал совершенно. Настолько не знал, что поступил сразу на два факультета, на международные отношения и на юридический. И учился на обоих параллельно: бегал из корпуса в корпус, путал лекции, ничего не успевал и постоянно был на нервах.

А тут как раз приезжает из Москвы мой друг Илья, у него брат работал в рекламном агентстве. На дворе девяносто девятый. И Илья привозит мне почитать Пелевина, «Generation „П“».

Я прочитал, и всё понял. Вот она, работа мечты. Ездить в клубном пиджаке с блокнотиком к серьезным дядькам и снимать рекламные ролики.

Мы с Илюхой увидели по телевизору объявление: требуются творческие люди. Пришли, написали творческое задание, сценарий ролика, и нас тут же взяли. Илюха, правда, потом слился, а я остался.

Но мне показалось мало, и я заодно подрабатывал рекламным агентом. Решил: надо побыть на передовой, понюхать рынок. И вот была одна заказчица, директор крупной фирмы, сеть столовых и кафе. Татьяна Аркадьевна.

Она всё намекала, что заказ реальный, вот-вот. Я приезжал к ней в офис уже два раза, и оба раза без контракта. Зовёт в третий. Я еду уже злой как чёрт и ставлю себе ультиматум: если и сейчас сорвётся, всё, не судьба мне быть рекламным агентом.

А она, оказывается, незадолго до этого вернулась из Индии. Ездила к Саи Бабе. Была вся такая просветлённая и, видимо, что-то такое во мне разглядела.

И вместо контракта предложила возглавить ее рекламный отдел. Так вот сходу стремительно разогнала моя карьера. Но с моими двумя факультетами и общей запаркой я всё это попросту не потянул. Не справился. И пришёл к ней честно сознаваться: Татьяна Аркадьевна, простите, не вышло.

А она посмотрела на меня и говорит спокойно: ну, Дмитрий, хорошо. Главное, пусть у вас всё будет хорошо.

Просто отпустила меня с напутствием.

Вот такие, друзья, бывают чудеса. Я ехал за контрактом, а получил благословение. И, между прочим, за то время прокачался так, что мама не горюй, и окончательно понял: реклама - это точно моё.

Один факультет я потом дотянул до красного диплома. Второй бросил по академу на четвёртом курсе. Так что высшее образование у меня в итоге полуторное. Для человека, живущего сразу в нескольких мирах, согласитесь, самое то.

Мир фото

И вот что ещё невероятно. «Generation „П“» вышел как

раз тогда, когда сам Пелевин, видимо, уже отработал копирайтером на самой заре нашей рекламы. Только заря эта занималась в Москве. А я то был в Ижевске, в провинции. И весь тот рекламный бум докатился до нас с задержкой, мы успели застать золотые годы первых напуганных рекламодателей, когда я ходил в клубном пиджаке, с кожаным портфелем и тиснёным ежедневником, и на полном серьёзе записывал туда что-то на встречах с заказчиками.

А заказчики снимали рекламу для чего угодно. Чтобы заснять новую жену. Чтобы понтануться перед партнёрами. Чтобы просто было. Для чего угодно, только не для того, чтобы что-то продать.

Помните тот ролик из Пелевина, про спокойный среди бурь Лефортовский кондитерский комбинат? Такой мрачный, под нарезку апокалиптических кадров из разных фильмов. И я сделал по этому референсу свой. Как и в книге, заказчику сценарий зашёл сходу. Текст я помню дословно до сих пор:

«В детстве человек совершенно свободен. Свобода длится недолго. Всевозможные рамки ограничивают человека. Он приспособливается. Достигает совершенства. Приходит время диктовать свои условия. Заключи мир в свои рамки. Рамки от магазина „Мир Фото“».

И всё это под нарезку из “Pink Floyd. The Wall”, обломки цивилизаций и крупные планы тревожных лиц. Реклама фоторамок. И вот это реально шло в эфире. Я смотрел на экран

и думал: ёлки-палки. Как? Как это вообще получилось и почему мне за это ещё и заплатили?

Бывало, правда, и наоборот: за такой креатив заказчик мог послать прямым текстом. Пережил и это.

Но в целом - это было чудо. Потому что я, провинциальный парень с тиснёным ежедневником, в те годы буквально жил внутри книги. Внутри того самого романа. Я был персонажем «Generation „П“», только с поправкой на часовой пояс.

Пар костей не ламент. И дым Отечества, как ни крути, нам сладок и приятен.

Не цепляет

В продолжение всей этой пелевинской темы расскажу ещё про одно место. Работал я тогда в видеостудии Polygon TV, первой независимой продакшн-студии в Ижевске.

Директором там был Влад. Весь в чёрном, печальный, в больших роговых очках, вылитый уставший вампир, проживший лет двести и слегка от этого заскучавший. Я приходил к нему с очередным сценарием, написанным от руки на каком-нибудь листочке. Мы садились за стол вдвоём. Влад молча, долго читал, шуршал бумажкой со сценарием. А потом поднимал глаза.

И всё решалось в этом взгляде. Если в глазах был свет, значит, оно. Тогда он вообще ничего не говорил, просто кивал: берём. А если света не было, он смотрел на меня усталое и ронял одно-единственное слово: «не цепляет». Никаких

разборов. Свет в глазах или его отсутствие, вот и вся редактура.

Работал я неровно, но меня терпели, потому что иногда я выдавал ценный креатив. Мог пропасть на неделю. В те годы у меня был такой метод: сажусь с блокнотиком в троллейбус и катаюсь от конечной до конечной, и вот в этом мерном покачивании всё само и пишется. А если не шло совсем, студия была на десятом этаже, я не спеша медитативно плёлся вверх пешком с тем же блокнотиком, и где-то между пятым и шестым этажом меня накрывало. Я влетал в зал, плюхался за компьютер и отстукивал сценарий на одном дыхании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.